Общее и особенное в социально-политическом и идеологическом развитии КНР и СССР

К. ПЛЕШАКОВ,
Д. ФУРМАН

В ставших сейчас уже многочисленными публикациях, посвященных проблемам закономерного и случайного в нашем послеоктябрьском социально-политическом и идеологическом развитии, бросается в глаза практически полное отсутствие сравнений с эволюцией других стран, имеющих сходную идеологическую и политическую систему. Между тем очевидно, что без таких сравнений, наблюдая лишь какой-то один, уникальный тип развития, вычленить закономерное и случайное невозможно.

В этом отношении особенно ценно сопоставление с Китаем, прежде всего потому, что взаимозависимость эволюции наших стран относительно невелика. СССР и Китай не могли, хотя порой и хотели, заставить друг друга изменить свою политическую линию и, как мы увидим в дальнейшем, проходили аналогичные циклы развития совершенно асинхронно, что и явилось одним из важнейших источников трений и конфликтов между ними. Кроме того, несмотря на всю близость их экономической, идеологической и политической системы, это страны с очень далекими друг от друга культурными традициями, неизмеримо более далекими, чем, например, культура России и культуры Румынии или Болгарии. Если допустимо такое сравнение, история посадила одно и то же семя в очень разной почве, как бы специально для того, чтобы мы могли лучше увидеть, чтó в цикле развития — от генотипа, а чтó — от среды.

Первое, что необходимо отметить при сравнении наших стран,— прохождение аналогичного, состоящего из трех стадий (или этапов) цикла развития. Эти три стадии выглядят следующим образом. Первая, или начальная, наступает сразу после победы в гражданской войне (в России — последовавшей за взятием власти в центре, в Китае — предшествовавшей ему) и соответствует нашему периоду нэпа. Вторая стадия — культов личности, которую мы условно называем «зрелым догматическим обществом». И, наконец, третья — стадия реформ и отхода от догматической системы. Рассмотрим эти три стадии, сравнивая их последовательную эволюцию в СССР и в Китае.

НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ

Первая, начальная, стадия у нас охватывает период с 1917 г. до конца 20-х годов, в Китае — 1949—1956 гг. Каковы характерные черты этого этапа развития? Прежде всего это громадный энтузиазм народных масс, только что победивших в великих революциях, с которыми связывались громадные «эсхатологические» ожидания. И хотя эти ожидания,

---

ПЛЕШАКОВ Константин Викторович — кандидат исторических наук, научный сотрудник ИСКАН СССР.
ФУРМАН Дмитрий Ефимович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИСКАН СССР.

особенно в России, применительно к которой можно говорить не только об ожиданиях, но и об «эсхатологической попытке» сразу же осуществить мировую революцию и построить коммунизм, не оправдались, революционный энтузиазм сохраняется. Революции приносят и вполне реальные ощутимые плоды — ликвидируются старые формы угнетения и неравенства, основная масса населения — крестьяне — получает землю. В этих условиях руководство, опирающееся на широкую народную поддержку, прочно держит власть в своих руках, не предпринимает и не собирается предпринимать ни тотального террора против всех реальных и потенциальных инакомыслящих, ни уничтожения всякой экономической свободы, ни нового закабаления крестьянства. В жизнь претворяется план эволюционного, постепенного построения социализма, при котором в обществе сохраняется значительная степень и идейной свободы, и свободы экономической. Впоследствии на третьем этапе развития общества первый этап будет вспоминаться с ностальгией, являя собой источник вдохновения реформаторов.

Очень важно отметить, что эта первая стадия развития не была ни в СССР, ни в Китае просто начальным периодом того общества, которое мы называем «зрелым догматическим». Последнее не возникло, естественно, само собой, из общества первого этапа. Более того, очевидно, что чисто эволюционным путем из общества первого этапа оно возникнуть и не может. Переход ко второй стадии осуществляется решительными, волевыми действиями руководства, резко меняющего прежний политический курс. Почему это происходит?

Рассматривая только советскую историю, очень легко дать объяснение исходя из субъективных факторов. У нас переход ко второй стадии совпадает со сменой лиц, стоящих во главе руководства,— смертью Ленина, разгромом оппозиции и установлением сталинской диктатуры. Но сравнение с Китаем заставляет совершенно иначе взглянуть на саму логику этого перехода. В Китае он тоже имеет место, причем совершается так же резко, «революционным» путем, но абсолютно не связан со сменой руководства. Во главе страны остается все тот же Мао Цзэдун, который в одном лице сочетает и роль вождя революции, и умеренного лидера первого этапа, и роль обожествленного руководителя догматического общества второго этапа.

Последующая история и роль в ней Мао Цзэдуна, прокламируемое в 40-е — начале 50-х годов полное идеологическое единство СССР и Китая («Сталин и Мао слушают нас») заставляют нас забыть один очень важный и интересный факт — то, что объективно маоцзэдуновская политика до 1956 г. была значительно ближе к ленинской, чем к сталинской. Период 1949—1956 гг.— время значительного экономического развития Китая. Аграрная реформа способствовала подъему сельского хозяйства и расширению внутреннего рынка. Никаких попыток насильственной коллективизации в это время не делается — крестьяне добровольно объединяются в «группы трудовой взаимопомощи». За счет национализации иностранных предприятий и предприятий крупной «компрадорской» буржуазии доля государственного сектора в промышленности возрастает за 1949—1952 гг. с 26 до 41%. Но собственность «национальной буржуазии» не национализируется, и ее экономическая активность даже возрастает. Сохраняются некоммунистические партии и организации, более того, уже на излете политики первой стадии Мао Цзэдун провозглашает курс на «расцвет ста цветов и соперничество ста школ». И, что очень важно, как и наш ленинский этап, период 1949—1956 гг. в КНР не может рассматриваться просто как подготовка к «большому скачку» — китайскому аналогу нашей первой пятилетки. В это время общество живет по иному плану, в котором «большим скачкам» нет места. Господствуют совсем иные представления о развитии страны, ее пути к социализму.

Еще в 1940 г. в работе «О новой демократии» Мао Цзэдун пишет о длительном периоде, предшествующем строительству социализма, который он определяет как «диктатуру всех революционных классов»[1]. О «народной демократической диктатуре» упоминает Мао и в 1949 г. Более того, он стремится к созданию коалиционного правительства с левым крылом Гоминьдана, сохраняет его Революционный комитет и другие некоммунистические партии. Сформулированная в 1952 г. генеральная линия КПК ставила следующую задачу: «В течение довольно длительного периода времени постепенно осуществить социалистическую индустриализацию страны и постепенно провести социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и торговли»[2]. Под «довольно длительным периодом» подразумевались 1953—1967 гг.

Однако уже в ходе первой пятилетки в КНР происходит отказ от умеренных темпов построения социализма. Если в декабре 1953 г. ЦК КПК намечал к 1956 г. объединить в кооперативах 20% крестьянских хозяйств, то реально к концу 1956 г. их удельный вес достиг 96,3%. К этому времени доля частного сектора в розничной торговле снизилась до 3%. В 1958 г. создаются «народные коммуны», где обобществляется практически вся собственность крестьян, вводится уравниловка и ликвидируются какие-либо элементы экономической самостоятельности. В промышленности начинается «большой скачок» под лозунгом «три года упорного труда — десять тысяч лет счастья». По всей стране во дворах жилых зданий и учреждений строятся примитивные домны.

Что же происходит? Почему в совершенно разных условиях и при совершенно разных обстоятельствах в обеих странах имеет место «отказ от умеренности», первый этап развития резко сменяется вторым? Как видим, сравнение Китая и СССР делает ответ на этот вопрос задачей значительно более сложной, чем просто ссылка на злую волю Сталина.

Прежде всего, на наш взгляд, необходимо подчеркнуть изначальную двойственность существовавшей в сознании и русских, и китайских революционеров идеи социализма. С одной стороны, социализм — это высокоразвитое общество, неизмеримо более богатое, более культурное и более свободное, чем капиталистическое. Его создание неотделимо от развития производительных сил, накопления общественного богатства, причем на высшем по сравнению с капиталистическими странами уровне. Более того, это общество, где нет отчуждения человека от социума, где любой гражданин — хозяин и общества, и своей судьбы. Народные массы у нас и в Китае, несомненно, связывали с идеей социализма мечту о земном рае, «эсхатологические» ожидания. Но с другой стороны, есть ясные и конкретные формальные признаки социализма — отсутствие частной собственности, обобществление средств производства. И в этой изначальной двойственности представлений о социализме — очень развитое, современное общество, «земной рай», но «земной рай», обладающий ясными формальными признаками,— заключена возможность подмены первого вторым, формальным — неформального.

Построить общество более богатое и свободное, чем развитое буржуазное,— задача крайне трудная, и, самое главное, путь к ее реализации не ясен. Создание же общества без частной собственности (тем более в странах, где частнособственническая традиция и психология не развиты) — цель значительно более простая. Так, марксистское положение о том, что очень высокий уровень развития производительных сил приведет к обществу без частной собственности незаметно, «диалектически» переходит в утверждение совсем иное и даже противоположное — что общество без частной собственности «само собой» будет обществом с высочайшим уровнем развития производительных сил. Возникает нечто аналогичное про-

[1] Мао Цзэдун. Избранные произведения, т. 3, М., 1953, стр. 210.
[2] «История стран Азии и Африки в новейшее время», М., 1979, стр. 43.

исходившему в средневековой религии, когда религиозное сознание подменяло неформализуемые духовные цели, которые должен ставить перед собой стремящийся к спасению человек (любовь к Богу и людям), целями формальными (постами, паломничествами и т. д.) в уверенности, что духовное совершенствование возникнет из их выполнения «само собой». При этом «эсхатологические» ожидания и надежды народа и руководства толкают в сторону скорейшего осуществления этих формальных требований, с выполнением которых связывается наступление «земного рая». К чему медлить, чего ждать, если путь ко всеобщему счастью ясен? Это, на наш взгляд, самая глубокая причина срыва «умеренных» планов, перехода к «зрелому догматическому обществу». Но с этим связаны еще и другие причины.

Эволюционный путь сейчас часто представляется реалистическим. Между тем, если видеть целью создание в исторически обозримые сроки общества без частной собственности, этот путь — скорее утопический. В самом деле, «естественным», ненасильственным путем построить его невероятно сложно. Для этого надо, например, сделать государственные, обобществленные предприятия эффективнее частных, дождаться того момента, когда частные не выдержат конкуренции. Далее,— создать условия, чтобы частнособственнические стремления крестьянина, его инстинктивная привязанность к земле были бы изжиты сами собой. Задачи эти, даже если считать их выполнение реальным, чрезвычайно сложные.

Естественный, эволюционный путь сначала ведет не столько к ликвидации частной собственности, сколько к ее укреплению, что в конце концов предполагает и изменения в политической сфере — перспектива, с которой у нас связывали надежды либеральные «сменовеховцы» и которая вызвала естественные опасения партийных руководителей и наиболее бедных, революционно настроенных слоев народа. Каменев и Зиновьев, выступавшие на XIV съезде партии против «идеализации нэпа», отражали этот растущий страх партийных догматиков, говоря о том, что развивающаяся «сама собой» экономика в конечном счете приведет к выходу ситуации из-под контроля. И хотя их оппозиция была «разгромлена», через некоторое время Сталин сам переходит к «свoрачиванию» нэпа, не на словах, а на деле принимая их аргументацию.

Схожим образом ситуация разворачивалась и в Китае. Здесь уже в 1952 г. возникли движения «против пяти злоупотреблений» (взяточничества, уклонения от уплаты налогов, недоброкачественного выполнения госзаказов, хищений, использования секретной экономической информации в корыстных целях) и «против трех злоупотреблений» (коррупции, расточительства, бюрократизма), фактически направленные на ликвидацию укрепившейся мелкой и средней буржуазии, еще и не помышлявшей об организованном протесте, но уже начинавшей «обходить» законы и устанавливать связи с аппаратом. Характерен и результат недолговечного «расцвета ста цветов» в 1956—1957 гг. Очень распространена трактовка этого эпизода как «ловушки», придуманной Мао для идеологических противников. Но вряд ли это так. Скорее всего руководитель КПК, находившийся в 1956 г. в некоторой растерянности (эволюционный путь не ведет в желаемом направлении, в СССР в это время происходит разоблачение культа личности), хотел как бы «посоветоваться» с интеллектуальными силами страны. Но то, что он услышал, его ужаснуло — на поверхность вышли отнюдь не революционные силы, а скорее китайский вариант нашего «сменовеховства». Мао Цзэдун окончательно убеждается, что «само собой», мирными и эволюционными методами социализм не построить, более того, эти методы неизбежно приведут к ограничению или утрате власти. Уже через год начинается кампания борьбы против «правых», а затем и «большой скачок».

Таким образом, сравнение СССР и Китая показывает, что переход от первого ко второму этапу, происходивший в совершенно разных усло-

виях, не случайность, а закономерность наших политико-идеологических систем. И его нельзя назвать переходом от реализма к утопизму. Скорее наоборот, утверждать, что частная собственность будет отмирать экономически и эволюционно, сама собой, было утопизмом, а ее насильственная ликвидация с точки зрения сохранения и укрепления установленных революциями диктатур была вполне «реалистическим» шагом. Утопия же была в другом — в том, что общество без частной собственности окажется обществом развитым, богатым, динамичным, находящимся на более высоком уровне развития, чем то, где господствует частная собственность.

«ЗРЕЛОЕ ДОГМАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»

«Зрелое догматическое общество» отвечает формальным признакам социализма. В нем ликвидируется частная собственность и начинает складываться то, что сейчас называют административно-командными методами управления экономикой. Естественно, что его возникновение и существование связано с жесткой централизацией как в политической, так и в идеологической областях. И в СССР, и в Китае построение этого общества сопровождается борьбой за единоличную и абсолютную власть. В СССР Сталин уничтожает не только действительных, но и всех своих потенциальных противников. В Китае переход ко второму этапу развития также сопровождается борьбой Мао за власть и в конечном счете устранением им почти всех сколь-либо видных деятелей китайской революции. В обеих странах устанавливаются культы личности — Сталина и Мао. Они мыслятся великими марксистами, как бы живым воплощением носителей абсолютной истины — идей Маркса — Энгельса — Ленина. На них переносятся архаические представления народных масс о героях и святых, причем в Китае этот архаизм особенно отчетливо виден: «красная книжечка» цитат Мао Цзэдуна становится чисто магическим объектом.

Как хозяйственная жизнь подчиняется единому центру и единому плану, так единой догме подчиняется вся культурная и духовная жизнь. Фактически на этом этапе возникает единая догматическая культура — своеобразная архитектура, музыка, театр, живопись. Ликвидируются все проявления инакомыслия. Все это, естественно, достигается жесточайшим террором. При этом, как всегда, догматическая идеология обращается прежде всего против еретиков, а не против тех, кто стоит на диаметрально противоположных позициях. У Сталина жесточайшие преследования членов партии по малейшему подозрению в нелояльности или отклонении от официальной трактовки марксизма-ленинизма соседствуют с «либерализацией» политики в отношении церкви в послевоенный период и с фактическим утверждением великодержавности, находящейся в причудливом симбиозе с догматизированным марксизмом. На международной арене ожесточенная борьба с троцкизмом, с социал-демократией, а затем после войны острый конфликт с Югославией сочетаются с предвоенным «братанием» с Гитлером.

У Мао Цзэдуна такого обращения к дореволюционным ценностям и символике не происходит отчасти, возможно, потому, что дореволюционные времена были для Китая 50-х годов ближе, чем для СССР 40-х — начала 50-х. Но и в его политике в какой-то мере усматривается та же логика.

В период Хрущева СССР уже вступает в третью фазу развития, фазу реформ, в то время как Китай — только во вторую. В результате Советский Союз вскоре превращается для Мао Цзэдуна во «врага № 1». При этом его «дружба» с Никсоном и проклятия «советским ревизионистам, идущим по капиталистическому пути», имеют полную аналогию с «дружбой» Сталина и Гитлера, сопровождавшейся борьбой с социал-демократией. Затем, когда Китай вступает в период интенсивных реформ, а в СССР реформационный процесс топчется на месте, наблюдается но-

вое несовпадение фаз. И теперь мы, в свою очередь, станем обвинять китайцев в «отступлении от линии».

И Сталин и Мао Цзэдун устанавливают тоталитарные системы, в которых, казалось бы, нет сил, способных им противостоять. И если в Китае определенная оппозиция позднемаоистскому курсу, связанному с «бандой четырех», сохраняется, то сталинскому курсу вообще никакой сколь-либо заметной и активной политической оппозиции нет. И тем не менее и в СССР, и в Китае система «зрелого догматического общества» рушится сразу после смерти ее создателей. Опять-таки сравнение с Китаем заставляет по-новому взглянуть на советскую историю. Такое сравнение не позволяет переоценивать роль личности Сталина в создании «зрелого догматического общества», но оно не позволяет и переоценивать роль Хрущева в отходе от этого общества. Ибо и в Китае, в иных формах и иными людьми, совершенно независимо от нас осуществляется то же самое. Таким образом, ни создание, ни падение сталинской и маоистской систем не могут быть всецело результатом случайных и субъективных факторов. Здесь проявляется общая логика, действуют одинаковые силы. Что же подтачивает «зрелое догматическое общество»?

На наш взгляд, основная его слабость заключается в двойственности представлений о социализме и коммунизме, о которой говорилось выше. Общество достигает состояния, которое отвечает формальным признакам социализма — нет частной собственности и эксплуатации человека человеком. Однако в идее социализма заложены не только эти формальные признаки, но и образ общества богатого и свободного, с которым связаны народные представления о «земном рае». Между тем этого рая никак не получается. Возникают своеобразные «ножницы» — чем более в теории, согласно догме, общество приближается к «земному раю», тем более оно разоряется и становится обществом запуганных и терроризированных людей. Это все растущее противоречие между догмой и реальностью должно быть как-то устранено. И многие черты «зрелого догматического общества» у нас и в Китае связаны с необходимостью «замазывания», сокрытия этого противоречия. Каким же путем оно прячется, какие здесь действуют «защитные механизмы»?

Во-первых, «рай» все время отодвигается. При Сталине те представления, которые вначале связывались с социализмом, затем переносятся на коммунизм. Начинаются «великие стройки коммунизма». В Китае это оформляется идеологически несколько иначе. Возможно, из-за примера СССР, в котором уже построенный при Сталине социализм не помешал Хрущеву «пойти по капиталистическому пути», Мао не провозглашает победы социализма. Но его политика — та же политика постоянного возбуждения народного энтузиазма новыми целями. Одна кампания сменяется другой: «большой скачок» — «культурной революцией», «культурная революция» — «модернизацией». Руководство пытается поддерживать энтузиазм, создавая своего рода миражи, за которыми идет народ.

Во-вторых, догматический контроль над культурой все более ставит своей целью прямую ложь — изображение реальности «как бы раем». Кинокартины, театральные постановки, произведения живописи сталинских времен изображают немыслимое изобилие — столы, ломящиеся от снеди, людей, являющихся образцом физического и духовного здоровья, и т. д. Наоборот, зарубежный мир подается все более гротескно, как мир нищеты и бесправия. В Китае маоцзэдуновский идеал революционного аскетизма в какой-то мере смягчает тенденцию ко все большей официальной лжи («Кубанских казаков» там не было), но тенденция, имманентная системе, сохраняется.

В-третьих, террор также начинает приобретать новые функции. Это не только террор против инакомыслящих, так сказать, «нормальный террор» любой догматической системы. В нем возникает и еще одна цель — поиски того «внесистемного» зла, на которое можно списать беды обще-

ства, являющегося «по определению» совершенным. Вначале это «остатки старых господствующих классов», но по мере их ликвидации все большую роль начинают играть засылаемые из-за границы «шпионы и диверсанты», вплоть до параноидальных сталинских страхов бактериологического оружия и колорадских жуков. В Китае аналогичную роль играют американские, английские, гоминьдановские и советские агенты.

Пропасть между догмой и реальностью все растет и должна все более закрываться ложью и кровью, энтузиазм должен все более поддерживаться искусственно и начинает выдыхаться. Очень трудно сказать, в какой мере в народе растет недовольство. В Китае оно более ощутимо — знаменитая демонстрация на площади Тяньаньмэнь в связи со смертью Чжоу Эньлая говорит о росте активности противников политики второй стадии. В СССР оно менее заметно, но, очевидно, какие-то глухие подземные толчки ощущались и у нас. Кроме того, партийная и государственная бюрократия сама устает от постоянных чисток, непроходящего страха, и в ней зреет сознание, что так дальше нельзя. У нас в верхних эшелонах власти это ощущение, очевидно, было всеобщим — во всяком случае, первые попытки бросить тень на Сталина исходили, очевидно, не от Хрущева, а от сталинского главного палача Берии, как об этом пишет в своих мемуарах К. Симонов. В Китае, вполне вероятно, сам Мао Цзэдун начал колебаться и готовить какой-то новый курс. Очевидно, об этих колебаниях говорят такие факты, как очень сложное отношение Мао к Дэн Сяопину, стремление в последнее время «отодвинуть» «банду четырех», выдвижение умеренного Хуа Гофэна, проведение политики «модернизации». Одним словом, и у нас, и в КНР «зрелое догматическое общество» заходит в тупик.

Ни в СССР, ни в Китае в период культов личности не сложилось ясной системы передачи власти в случае смерти лидера. Лидер слишком велик, он не терпит рядом с собой кого-либо, кто мог бы претендовать на его роль даже в будущем. Так, обоих официальных преемников Мао Цзэдуна — Лю Шаоци и Линь Бяо ждала очень незавидная судьба. Но фактически единоличная диктатура сочеталась с формальным сохранением демократических выборных партийных институтов. Поэтому сразу после смерти лидера наступает период ожесточенной борьбы за власть. Характерно, что логика этой борьбы в обеих странах очень близка. Сначала происходит падение тех, кто был наиболее близок к диктатору и связан с политикой террора (Берия и Абакумов в СССР, «банда четырех» в Китае). Эти люди становятся в какой-то мере «козлами отпущения». После борьбы за власть уже без этих наиболее одиозных фигур побеждает новый лидер, начинающий политику реформ (Хрущев, Дэн Сяопин). Так завершается переход к третьей стадии развития общества.

РЕФОРМА

Как первая, так и третья стадия развития наших обществ характеризуется большими страновыми различиями. В Китае в первой из них один лидер — Мао Цзэдун объединяет в своем лице две во многом противоположные роли, выполняющиеся у нас разными людьми — Лениным и Сталиным. Третья стадия в Китае проходит при доминировании одной личности — Дэн Сяопина. У нас же после первого раунда реформ, окончившегося падением Хрущева, начинается так называемый период застоя, в котором половинчатые и вялые реакционно-сталинистские тенденции сочетаются с такими же половинчатыми и вялыми реформаторскими усилиями (косыгинская реформа), а затем, после 1985 г., процесс обновления разворачивается с новой силой и неизмеримо большей последовательностью.

Но несмотря на специфику перемен и отличия у нас между первым и вторым раундом, третью стадию можно определить как единый рефор-

мационный процесс. Он характеризуется переходом от тотального плана ко все большему внедрению рыночного механизма; от абсолютной диктатуры к развитию и внутрипартийной, и общественной демократии; от господства квазирелигиозной догмы ко все большей идейной терпимости, диалогу с другими мировоззрениями. При этом часовая стрелка как бы начинает двигаться в обратном направлении, совершается что-то вроде возвращения к первому этапу. Но как все подобного рода возвращения, оно имеет с предыдущим скорее внешнее, мнимое сходство. Так, на первом этапе господствуют революционный энтузиазм и нетерпение, которые создают почву для общества второго этапа. Третий этап проходит в совершенно ином психологическом климате. Второй этап — своего рода «неудачный эксперимент» и его провал неизбежно вызывает кризисные элементы в жизни общества. Это приводит к тому, что постепенный и планомерный демонтаж созданных Сталиным и Мао систем грозит перейти в неконтролируемый развал и хаос, и только будущее покажет, как нам удастся справиться с возникающими в этой связи трудностями.

Догматизация означала создание своего рода стены вокруг наших обществ, их самоизоляцию, и не только от стран с действительно далекой от нас идеологией, но еще в большей степени от «еретиков», то есть друг от друга. На третьем этапе наши дедогматизирующиеся общества как бы возвращаются в «большой мир», и здесь мы естественным образом встречаемся и протягиваем друг другу руки. В этом сближении опять-таки есть сходство с первым этапом, но сходство скорее внешнее, ибо это сближение происходит уже не на догматической основе, а на базе учета прагматических целей и общечеловеческих ценностей. Мы соседи, и не только соседи, но и общества с очень схожими проблемами, для которых естественно учиться друг у друга и помогать друг другу.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОГО И КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВ

Предыдущий анализ основывался на сходстве и общей логике эволюции советской и китайской социально-политической и идеологической систем. Но, естественно, между ними есть и большие различия, объясняемые самыми разными факторами.

Во-первых, это факторы, обусловленные неодинаковым уровнем социально-экономического развития, значительно большей отсталостью Китая, где удельный вес крестьянства выше, чем в России, а рабочего класса и интеллигенции — ниже. Значение этой группы факторов очень велико. Например, на третьем этапе экономическая реформа в Китае облегчается, как это ни парадоксально, его относительной отсталостью, преобладанием крестьянских хозяйств, способных, как только с них сняты путы, быстро восстановить нормальную хозяйственную деятельность.

Вторая группа факторов связана с разным временем совершения российской и китайской революций. КПК пришла к революции уже сформировавшись как партия, входящая в международное коммунистическое движение, возглавляемое Сталиным. В ней отнюдь не было демократического духа, присущего нашей ленинской партии в 1917 г. Культ вождя был для нее нормален, и Мао Цзэдун, несомненно, находясь под влиянием сталинской модели, видел в себе «китайского Сталина». Но как мы уже говорили, это не мешало ему придерживаться в 1949—1956 гг., объективно скорее ленинской, чем сталинской модели.

В-третьих, факторы личностные и случайные. Роль их весьма велика. Представим себе на минуту, что Мао Цзэдун умирает где-то в году 1955-м. Тогда на втором этапе Китай был бы под властью какого-то иного человека, а третий — совершенно очевидно — проходил бы под лозунгом возвращения к заветам Мао Цзэдуна. Иные исторические «конфигурации» породила бы в нашей истории победа во внутрипартийной борьбе не

Сталина. а какого-либо иного деятеля, ранняя смерть Сталина, победа затем не Хрущева, а, допустим, Маленкова, приход к власти не Брежнева, а, скажем, Косыгина и т. д., и т. п. Все это в значительной мере меняло бы ход истории. Но все сказанное выше говорит о том, что общий ритм трех закономерно сменяющих друг друга стадий развития от этих случайных, субъективных факторов независим.

Четвертая группа факторов связана с разным соотношением между основным и неосновными этносами в государстве. В СССР русские составляют не подавляющее большинство (возможно, перепись покажет, что сейчас даже и не большинство) населения. Кроме русских, в СССР живет много народов с древней культурой и даже своими традициями государственности. Сохранение этого разнородного конгломерата этносов, унаследованного нами от Российской империи, стало возможным лишь потому, что победившая в ходе революции идеология была интернационалистической, провозгласившей полное равенство наций и создание государства нового типа — СССР — не унитарного, а федеративного. Общество второго этапа, естественно, не могло быть федеративным. Федерация сохраняется в основном на словах, а государство приобретает «старорежимные» черты, все более осознавая себя преемником империи, империей под другим названием. На третьем этапе это порождает специфические трудности, когда элементы идейного и институционального кризиса ведут к росту националистических настроений, идеологий и движений, раздирающих страну.

Схожий ритм наблюдается и в китайской истории: во втором периоде развития КНР происходит, например, китаизация фактически лишенного автономии Тибета, а на третьем этапе в Тибете (да и не только в нем) возникают националистические движения. Но в Китае китайцы, ханьцы, составляют более 90% населения. Угроза от националистических движений здесь неизмеримо меньше, чем в СССР, что в значительной мере облегчает процесс реформ.

Можно приводить еще массу всякого рода факторов — от демографического (совершенно разной плотности и величины населения) до внешнеполитических. Все они модифицировали наше послереволюционное развитие, определяли многообразие и различие форм, в которых СССР и КНР проходили свои закономерные стадии развития. Изучение их роли — задача бесконечной сложности и не может быть предметом данной статьи. Но на одной группе факторов мы хотели бы остановиться подробнее. Это факторы, связанные с различием культурных и религиозных традиций основных этносов: русско-православной традиции в СССР и конфуцианско-буддистско-даосской в Китае.

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАДИЦИЙ РАЗВИТИЯ КНР И СССР

Прежде всего надо отметить, что, несмотря на различие этих традиций, обе они, хотя и совершенно разными, даже противоположными, сторонами способствовали победе именно нашей идеологии. Православие, как и все формы христианства, утверждает в качестве высшей ценности индивидуальное начало человека, его бессмертную душу и как высшую цель человека — спасение бессмертной души. Это учение о «царствии не от мира сего». Этот мир — лишь временное испытание. В православии «девальвация» земной жизни еще больше, чем в западных формах христианства, вследствие чего «безразличие» к земным делам легко оборачивается полным подчинением государственной власти всей светской, мирской сферы, понимаемой предельно широко, вплоть до сферы церковного устройства (введенный Петром I Синод).

В результате петровских реформ церковь фактически лишается самостоятельности в общественной жизни, превращаясь в своего рода «при-

даток самодержавия». В обществе подспудно идут процессы дехристианизации, в народных массах растет безразличие к религии, в среде интеллигенции распространяются атеистические и революционные формы идеологии. Революция, сметающая самодержавие, сметает и его «придаток». Народные массы поразительно быстро теряют свою во многом внешнюю, традиционалистскую религиозность. Образующийся вакуум заполняется новой идеологией, приобретающей квазирелигиозные формы.

Однако православие все же не только придаток самодержавия, не только идеология, освящавшая старый порядок. Оно и самостоятельная духовная сила, которая смогла сохраниться в революционной буре. Православие вновь попадает в подчинение государству, только теперь уже не формально православному, а атеистическому, оказывается в своего рода «гетто», однако само его существование означает наличие в культуре альтернативной духовной силы. Если учесть, что в советском обществе наличествует множество культурных традиций разных национальностей, что Россия значительно дольше, чем Китай, подвергалась воздействию западных идеологических течений, то мы должны будем признать, что СССР всегда, несмотря на господство тоталитарной идеологии, оставался обществом с очень сложно организованной и плюралистической культурой. Эту сложность уничтожить было невозможно. Она была в церквах, в поэзии Пушкина и Лермонтова, в иконах Рублева, в живописи Иванова, в рассказах Чехова.

Конфуцианство способствовало победе революционной марксистской идеологии совсем иными чертами. Если православие и государство находились в некотором роде в разных плоскостях, в разных измерениях, то конфуцианство, напротив, — социальная доктрина, учение о «мире сем». Этот мир для конфуцианства самое, даже единственно, важное. Задача человека — не спасти бессмертную душу, а правильно исполнять свои социальные роли — подданного, отца, сына, мужа и т. д., поддерживая тем самым социальную гармонию. Порядок этого мира, данный Небом, связан воедино с космическим порядком. Поддержание его — высшая ценность и главная задача человека. Социальный строй старого Китая непосредственно базировался на конфуцианском учении о правильной, соответствующей законам Неба организации отношений между людьми. Соответственно и организационная структура конфуцианства не отделена от государственной. Чиновничество, рекрутируемое на основании экзаменов на знание конфуцианской доктрины, — это не только государственная и светская, но и сакральная, «церковная» иерархия.

В России надмирный, аскетический идеал православия великолепно уживался с очень сомнительной моралью, царившей в светской сфере, фактически оказавшейся вне религиозного контроля. Но идеал этот все же сохранялся, что создавало специфическую раздвоенность, сложную душевную организацию русского человека, так прекрасно раскрытую Достоевским. В душе русского, как и в русской культуре присутствует некое глубинное, девальвирующее ее социальное бытие, «подполье», из которого могут возникать всякие «неожиданности». В китайской культуре, напротив, доминирует идеал человека социального долга, благородного мужа, служащего «делу, а не лицам», не боящегося говорить правду государю, даже если это будет стоить ему жизни. Этот муж отнюдь не раб, он может восстать против государя, не выполняющего своих обязанностей.

Китай — классическая страна победоносных народных восстаний. Но зато он в своем общественном бытии находится все время как бы в одной плоскости, ибо, если он восстает, то восстает не против порядка, а во имя порядка, который естественным образом нарушается (идея постоянных циклов отхода от идеального порядка и возвращения к нему имманентна конфуцианству) и так же естественно восстанавливается. Этому порядку нет альтернативы. То, что ему противостоит, это не какой-то иной порядок, а просто беспорядок. Такая «одномерность» конфуцианства лишь ча-

стично компенсировалась находившимися с ним в симбиозе буддизмом и даосизмом. Они не столько девальвировали конфуцианский порядок, сколько ставили под сомнение реальность мира в целом, не утверждали высшей ценности человеческой личности, «бессмертия души», а, напротив, стремились растворить личность в Абсолюте.

Чем же конфуцианство способствовало победе марксизма? Прежде всего тем, что оно являлось учением об обществе. Когда китайцы поняли, что искать ответы на современные проблемы в традициях, восходящих ко временам Яо и Шуня, означает утрату Китаем независимости, их мысль устремилась на поиски новой, нетрадиционной современной доктрины, но опять-таки доктрины социальных отношений, правильной организации общества. И если гоминьдановская идеология была слишком аморфна и неопределенна, то марксизм был воспринят как современное учение о правильном общественном устройстве, базирующееся на писании, не менее авторитетном, чем конфуцианское. Господство в обществе идеологически-бюрократической иерархии «ганьбу» также совершенно естественно для Китая, ибо иерархия конфуцианских «шэньши» — тоже идеологически-бюрократическая иерархия. Представление о том, что есть одно естественное учение о правильной организации общества и руководить обществом должны те, кто лучше знает это учение, глубоко укоренилось в сознании китайцев. Ведь даже тайваньские правители при всей их зависимости от Запада и стремлении создать «западный фасад» своего общества лишь сейчас и с громадным трудом идут на легализацию оппозиционных партий. При этом конфуцианство, которое было не просто «придатком» старого строя, а его душой, его сутью, распадается вместе с этим старым строем, открывая путь новой доктрине правильных отношений в обществе, ибо именно так был воспринят марксизм народными массами Китая.

Конфуцианство не обладает самостоятельной организационной структурой и в отличие от православия не может сохраниться как самостоятельная сила. Но зато оно накладывает мощный отпечаток на восприятие новой идеологии, проникающей во все слои общества, которое приобретает неизмеримо большую, чем в СССР, идеологическую однородность. Как же эти различия русской и китайской культурных традиций влияют на эволюцию наших обществ?

При сопоставлении послереволюционного развития КНР и СССР бросается в глаза ряд моментов, которые разительно противоречат нашим стереотипам о Европе и Азии. Это прежде всего неизмеримо большее, чем в СССР, участие широких масс в политической жизни Китая, что наиболее отчетливо заметно при сравнении «культурной революции» и нашего 1937 г. Наш террор — террор охранки, народные массы принимают в нем участие чисто формально, одобряя его акты на отрепетированных митингах. В сталинскую эпоху абсолютно не могли возникнуть ситуации, когда молодые рабочие и студенты самовольно определяют «ревизионистов», не подчиняются партийному и государственному руководству, устраивают побоища между собой и даже сопротивляются армии. Между тем в Китае дело обстояло именно так. Культурная революция начинается с вывешенного Мао дацзыбао, в котором он объявляет «огонь по штабам». Это — инспирированное им, но в действительности народное движение, в котором участвует вся страна. От него нельзя «спрятаться» и «отсидеться», но оно все же было менее кровавым, чем сталинский террор.

Бо́льшая активность народных масс в Китае, чем в СССР, проявляется не только в эпоху «культурной революции». Разве можно представить себе, чтобы у нас свержение Берии началось с массовой народной демонстрации на Красной площади? Но ликвидация «банды четырех» происходит именно после такой демонстрации на площади Тяньаньмэнь в Пекине, когда тысячи людей спонтанно пришли выразить симпатии к умершему Чжоу Эньлаю, воплощающему для них умеренную и разумную политику первой стадии, и протест против нового, выдвинутого уже захлебнувшейся

«культурной революцией» руководства. Массовые движения в поддержку скорейшей демократизации в 1986 г. и 1989 г., так неожиданно и трагически кончившиеся, также не имеют прямых аналогий с событиями в СССР. Ведь, с одной стороны, это движения не экономические или приобретающие политический характер вследствие прежде всего невыносимого экономического положения, и с другой — не национальные. А именно эти два типа массовых движений мы знаем. Они развивались отнюдь не в той либеральной обстановке, которая сложилась у нас в последние годы. Это были выступления людей, готовых на жертвы во имя преобразований в обществе и государстве, которые они ощущают как свое общество и государство.

Бо́льшая свобода характерна в Китае и для правящей верхушки. При Сталине ее представители никогда своей собственной позиции не имели и, несмотря на это, должны были ежеминутно беспокоиться за свою жизнь, ибо любое недовольство диктатора означало расстрел. Аналога фигуре и судьбе Дэн Сяопина, сохранившего свою особую точку зрения и одновременно свою жизнь, дважды ссылавшегося в деревню и дважды возвращавшегося, у нас нет. Одним словом, как это ни прискорбно для нас, следует признать, что китайцы в полном противоречии со стереотипами «восточного фанатизма» и «деспотизма», проявляли больше гражданственности и человечности, чем мы. Было ли это связано с особенностями китайской культурной традиции?

На наш взгляд, здесь есть самая прямая связь. Конфуцианская традиция воспитывала своеобразную общественную активность. Социальный строй никогда не был для китайцев чем-то чуждым, безразличным и не имеющим высшей ценности. Эта традиция не умерла со смертью конфуцианства. Напротив, завоевание новой идеологией практически всего общества означало, что проблемы партийно-политической борьбы имеют отношение ко всем. Они выносились на улицу, обсуждались на ней, и вся улица участвовала в этой борьбе. Сама идеологическая однородность парадоксальным образом вела к социальной активности. При этом вся китайская история, вся тысячелетняя культура Китая воспитывала убеждение, что, когда правительство отступает от идеала, долг «благородного мужа» — не страшась смерти, сказать правду в лицо государю, а если это отступление от идеала становилось катастрофическим, долг народа — восстать.

Такой народ Мао и его окружение не могли полностью отстранить от общественной жизни. Очевидно, понимание того факта, что конфуцианская культурная традиция ограничивает самовластие, побудило Мао организовать кампанию «критики Конфуция» и попытаться «реабилитировать» тирана китайской древности, отрицательную в конфуцианской интерпретации историческую личность — Цинь Шихуана. Но сломить воспитывавшиеся тысячелетиями стереотипы и ценности оказалось задачей нереальной даже для всевластного правителя. В какой-то мере, очевидно, Мао и сам разделял эти ценности. В его «культурной революции» явно проступает стремление самому встать во главе восстания против оппортунистической верхушки, отступающей от истинных принципов.

Мы были более податливым материалом, ибо наша историческая традиция совсем иная. Это скорее традиция бесконтрольной, тиранической власти, которая делает с народом что ей угодно. Это традиция Ивана Грозного и Петра I, царей, на образы и деятельность которых ориентировался Сталин и которые в нашем народном сознании отнюдь не являются «отрицательными персонажами» исторической драмы, каким Цинь Шихуан предстает в китайском сознании.

Но своеобразный «демократизм» Китая имеет и другую сторону. Мао мог возбуждать народные страсти еще и потому, что в какой-то мере мог их не бояться — это не было освобождением джинна из бутылки. В народном сознании не было «подполья», ибо, хотя и с разными нюансами, основные политические и идеологические принципы разделялись всеми.

Так, даже Тайвань не являлся реальным идеологическим вызовом, ибо гоминьдановцы—это отнюдь не наши белые, а партия, с которой сотрудничала и в которую входила КПК и которая также установила на острове однопартийную систему.

Мао манипулировал массами, размывая крестьянство сосланными в деревни партийцами, интеллигенцией, затем выдвиженцами «культурной революции», и опирался на массы—миллионы хунвейбинов и цзяофаней. Наоборот, сталинский террор, на наш взгляд, во многом связан с неуверенностью и мнительностью, со сталинским страхом. Это страх всех вместе и любой отдельной личности, любого человека, на дне души которого могут таиться всякие «неожиданности». Это, если так можно выразиться, страх культуры, в которой есть все: и традиционализм, и мистицизм, и анархизм, и народничество, и либерализм, и монархизм, и славянофильство и западничество. Эта культура слишком разнообразна, противоречива и богата для сталинской диктатуры, не говоря уже о культуре других народов СССР со своими разнообразными идейными традициями в спектре от буддизма до литовского клерикализма. Сталин не столько манипулировал массами, сколько стремился сломить и растоптать всех и каждого, ибо он всех и каждого боялся.

На наш взгляд, рассмотренные культурно-идеологические различия сказываются и в особенностях реформационных процессов в наших странах. Эти процессы у нас имеют неизмеримо более долгую историю и, если учитывать весь период после смерти Сталина, шли более «робко», медленнее, чем в Китае, руководство которого проявило прагматизм и смелость, немыслимые не только для Хрущева, но в экономической сфере не превзойденные нами и сейчас. Чем же объясняется эта наша относительная «робость» и «скованность»? Очевидно, все тем же страхом собственного общества, собственной культуры, страхом, что, если нажим ослабеет, из бутылки вырвется джинн. И этот «джинн» в виде разных, абсолютно не сводимых к каким-то единым формулам, противоположных друг другу мировоззренческих тенденций действительно бушевал в «духовном подполье», прорывался через цензурные рогатки, выплескивался за границу с эмиграцией и сейчас, прорвав все препоны, бушует на страницах нашей печати и митингах. Эта сложность, богатство и напряженность идейной жизни очень мешает проведению целенаправленной политики, заставляет даже теперешнее, смелое и реформаторское руководство все время «оглядываться по сторонам», ибо каждый шаг вызывает идейные бури, порождает бесконечные споры, и «ослабление узды» действительно привело к страшным и кровавым последствиям, связанным с националистическими взрывами. Но одновременно богатая духовная жизнь порождает и в период застоя, и даже в сталинский период, в условиях немыслимого на Западе официального давления литературу и искусство мирового уровня. То, что усиливает у нас угрозу хаоса, одновременно приближает нас и к полноценному демократическому обществу.

Духовная ситуация Китая совсем иная. Смелость и прагматизм китайского руководства связаны с большей идейной однородностью и прочностью китайского общества, с отсутствием в нем реальных идейных альтернатив.

Майско-июньские события 1989 г., на наш взгляд, не опровергают сказанного выше. Несмотря на некоторые экстремистские и эпатирующие выступления, в целом широкое движение за демократизацию студентов, рабочих и интеллигенции сохраняло характерное для китайских народных выступлений сочетание энтузиазма и личного мужества участников с относительной умеренностью требований. Подавляющее большинство его участников не стремилось к низвержению КПК и не руководствовалось какими-то альтернативными идеологиями. В нем принимало участие множество партийных интеллигентов. Но, на наш взгляд, не надо преувеличивать ни значения этого движения, ни значения его поражения. Победа не

означала бы превращения Китая в парламентскую демократию, и мы не думаем, что он станет ей и через 5—10 лет. С другой стороны—поражение не является возвращением назад. Такое возвращение вообще немыслимо, могут быть лишь задержки в развитии, периоды застоя. Но ни застой, ни даже социальные катастрофы не означают прекращения процессов, ведущих к созданию демократического общества, в котором сочетание и удельный вес разных форм собственности будут определяться потребностями экономики, а не идеологическими догмами.

Становление таких обществ — это естественноисторический процесс, по которому идет все человечество, но разные страны—в разных формах, разными путями. СССР и Китай воплощают один из таких путей, связанный с победой в выходящих из средневековья обществах революционной марксистской идеологии. Сопоставление наших стран позволяет оценить как его закономерности, так и особенности, вытекающие из различия культурных традиций.